

СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ СТЕРЕОТИПОВ ОБ ИНОЗЕМЦАХ И ЯСАКЕ В РОССИИ XVI–XVII ВВ.

Г.Х. Самигулов

*Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
Челябинск, Российская Федерация
gayas_@mail.ru*

Целью исследования является рассмотрение некоторых достаточно активно используемых стереотипов и их обоснованности.

Материалы исследования: Поводом к написанию предлагаемой статьи публикации стала работа А.Ю. Конева «Феномен «иноземчества», ясак и дарообмен: народы Поволжья, Урала и Сибири в России конца XVI – начала XVIII веков», а материалом послужили опубликованные и вновь выявленные архивные материалы.

Результаты и научная новизна. В рамках настоящей статьи можно выделить два сюжета о стереотипах, достаточно разных по характеру, но касающихся, в значительной степени, одной группы населения России XVI–XVIII вв. – ясачных людей или ясачных иноземцев. Согласно первому, некрещеное нерусское население Российского государства не относилось к подданным русского царя, или относилось не в полной мере. Никаких реальных обоснований этой точки зрения авторы обычно не приводят, а если пытаются писать что-то, то указывают на ограничения, касавшиеся некрещёных ясачных и служилых людей и на крещение, как на способ получения дополнительных преференций (реализации социального лифта). При этом, если мы обратимся к документам первой половины и середины XVIII в., то увидим, что у чиновников и ученых того времени не было никаких сомнений в том, что ясачное некрещёное население является русскими подданными с момента вхождения их территорий в состав Московского государства. С большой долей вероятности мы можем признать, что формирование этого стереотипа восходит к периоду преобладания идеологии «Самодержавие, Православие, Народность» и является результатом экстраполяции на ситуацию XVI–XVII вв. представлений второй половины XIX в. Второй стереотип менее явный, но достаточно серьёзный. Он заключается в игнорировании информации, содержащейся в огромном пласте документов XVI–XVII вв., а именно указаний на то, что ясак взимался с вотчин, и основанием для уплаты ясака было наличие вотчинных земель. Верно и обратное – уплата ясака давала права на вотчинные земли. Эта информация содержится в царских указах, наказах воеводам, то есть законодательных документах. Но до настоящего момента основная масса специалистов, занимающихся вопросами истории Поволжья, Урала, Сибири просто не замечает этих мест в документах. Это своеобразный стереотип игнорирования очевидного. Между тем, исходя из текста этих документов, очевидно, что рассматривать ясак можно только имея в виду статус земель, с которых он выплачивался, обозначенный в источниках. Научная новизна исследования в значительной степени заключается в попытке прочтения и трансляции источников (зачастую давно опубликованных и хорошо известных) так, как они есть, отбрасывая «фильтры», формируемые историографической традицией.

© Самигулов Г.Х., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: история, иноземцы, ясак, вотчина, владение, указ, оброк, поместье

Для цитирования: Самигулов Г.Х. Скромное обаяние современных стереотипов об иноземцах и ясаке в России XVI–XVII вв. // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 918–933. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.918-933 EDN: ZVHQSE

THE HUMBLE CHARM OF MODERN STEREOTYPES ABOUT FOREIGNERS AND YASAK IN RUSSIA DURING THE 16TH – 17TH CENTURIES

G.Kh. Samigulov

*South Ural State University
(National Research University)
Chelyabinsk, Russian Federation
gayas_@mail.ru*

Abstract: Research objectives: The main purpose of the study is to consider some fairly actively used stereotypes and their validity.

Research materials: The reason for writing the proposed publication article was the work of A.Yu. Konev “The phenomenon of ‘foreignism’, yasak and gift exchange: the peoples of the Volga region, the Urals and Siberia in Russia at the end of the 16th – beginning of the 18th centuries.” Published and newly discovered archival materials were its source basis.

Results and novelty of the research: Within the framework of this article, we can distinguish two plots about stereotypes, quite different in nature, but relating, to a large extent, to one group of the population of Russia in the 16th–18th centuries – yasak people or yasak foreigners. According to the first stereotype, the unbaptized non-Russian population of the Russian state were not among the subjects of the Russian tsar, or at least not to the full extent. The authors usually do not provide any real justification for this point of view, but if they try to do so, they point to restrictions regarding unbaptized yasak and service people and to baptism as a way to obtain additional preferences (implementing a rise in social standing).

At the same time, if we turn to the documents of the middle of the 18th century, we will see that officials and scientists of that time had no doubts that the yasak unbaptized population were Russian subjects from the moment their territories became part of this state. With a high degree of probability, we can admit that the formation of this stereotype dates back to the period of the predominance of the ideologeme "Autocracy, Orthodoxy, Nationality" and is the result of extrapolation to the situation of the 16th–17th centuries representations of the second half of the 19th century.

The second stereotype is less obvious, but quite serious. It consists of ignoring the information contained in a huge layer of documents of the 16th–17th centuries, namely, indications that yasak was collected from estates, and the presence of patrimonial lands was the basis for paying yasak. The reverse is also true – the payment of yasak gave rights to patrimonial lands. This information is contained in tsars’ decrees, orders to governors – that is, legislative documents.

But until now, the bulk of specialists dealing with the history of the Volga region, the Urals, and Siberia simply did not notice these places in the documents. This is a kind of stereotype of ignoring the obvious. Meanwhile, based on the text of these documents, it is obvious that yasak can be considered only bearing in mind the status of the lands from

which it was paid, indicated in the sources. This is true for territories from the Volga region to Central Siberia. Obviously, the time has come to change approaches to these issues.

The scientific novelty of the study lies largely in the attempt to read and translate sources (often long published and well-known) as they were, discarding the “filters” formed by the historiographical tradition.

Keywords: History, foreigners, yasak, votchina, estate, edict, servage, mansion

For citation: Samigulov G.Kh. The humble charm of modern stereotypes about foreigners and yasak in Russia during the 16th–17th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 918–933. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.918-933 (In Russian)

Предлагаемая статья является продолжением дискуссии, начатой мной четыре года назад и ответом на публикацию А.Ю. Конева «Феномен «иноземчества», ясак и дарообмен: народы Поволжья, Урала и Сибири в России конца XVI – начала XVIII веков» [7]. В первую очередь хотелось бы поблагодарить моего оппонента за формулировку и аргументацию позиций по «иноземцам» и ясаку, изложенные в рассматриваемой статье. Остальное в тексте ниже.

Настоящая публикация не носит характера повествования, это, скорее, критический разбор ряда замечаний, положений и утверждений А.Ю. Конева. Объём настоящей публикации ограничен, поэтому разбору будут подвергнуты отдельные положения и сюжеты статьи уважаемого Ю.А. Конева. Прошу извинить – на полный обзор статьи не хватит объёма никакой журнальной публикации.

Замечание А.Ю. Конева, которое акцентирует внимание на достаточно важном моменте: *«мое мнение о том, что статус сибирского ясачного населения не был четко определен в нормативно-правовых документах XVII в. и критика тезиса Л.И. Шерстовой о немедленной, «с самого начала присоединения Сибири», инкорпорации аборигенов в социально-экономическую структуру государства не означают, что я полагаю, будто ясачное население не было включено в социальную систему Российского государства вовсе, как пишет Г.Х. Самигулов; просто мы имеем дело не с единовременными акциями, а с процессом. Мое скептическое отношение к факту существования сословий в Московском царстве XVI–XVII вв. и выведение за пределы тогдашней иерархии «чинов» сибирских «иноземцев» также не дают оснований делать за меня вывод о «невключенности» последних в российскую социальную структуру. Вопрос в механизмах и особенностях этого включения. К тому же «чинами» не исчерпывалось все многообразие социальных категорий в России того времени»* [7, с. 763]. Основанием для моего вывода послужил конкретный тезис А.Ю. Конева, от которого он, кстати, не отказался: *«Словосочетание «ясачные иноземцы», на мой взгляд, само по себе выводило автохтонное население за рамки чиновного деления Московской Руси. Войти в него «ясачному человеку» можно было только приняв крещение, верстаясь затем в число служилых людей или пребывая на положении холопов у русских»* [8, с. 139]. Очень сложно трактовать эту фразу иначе, как признание ясачных иноземцев людьми, бывшими вне социальной структуры Российского государства, поскольку словом «чины» обозначались социальные страты российского общества того времени. Фраза «всех чинов люди» означала всё правоспособное население государства. То есть А.Ю. Конев чётко и ясно обозначил, что «на его взгляд», ясачные иноземцы не входили в социальную структуру Московской Руси – мне совершенно не ясно, в каком месте я делаю вывод за Алексея Юрьевича. И далее по поводу процитированного пассажа по пунктам:

1. Я на примерах из документов XVII в. показал, что ясачные люди (ясачные иноземцы) составляли один из чинов Российского государства [15, с. 348]. Продублирую фрагмент одного из документов, 1640 г., царская грамота уфимскому воеводе Ивану Салтыкову о запрещении всяких чинов людей держать в холопстве по закладным кабалам...: «которые всяких чинов люди, крещены и не крещеные, наперед сего жили и ныне живут в закладах у всяких чинов людей, велеть жить тяглым в тягле, а ясашным в ясаке, по прежнему...» [4, с. 271]. Из приведённого фрагмента царского указа ясно, что некрещёные ясачные люди входили в состав чинов Московского государства. Таким образом, процитированный тезис А.Ю. Конева был дезавуирован, поскольку была показана несостоятельность основного посыла. Тем не менее, Алексей Юрьевич воспроизвёл эту формулу в своём докладе на конференции в Казани весной 2021 г.

2. «Процесс» упоминаемый А.Ю. Коневым уже не в первый раз, им совершенно не описан, разве что мы должны воспринимать как описание процесса ту схему, которую он указал в цитированном фрагменте про иноземцев. Но в таком случае уважаемый оппонент описал не процесс включения ясачных иноземцев как таковых в социальную структуру Российского государства, а процесс их перехода в другое состояние, как он сам же и пишет, т.е. в группы служилых людей или холопов у русских. При этом, повторяюсь, прописанная оппонентом схема изначально бессмысленна, поскольку ясачные люди входили в число чинов Российского государства.

3. Указывать холопов в качестве группы, войдя в которую (бывшие) ясачные иноземцы якобы становились частью чиновного мира России, как минимум странно, поскольку холопы как раз к чинам Российского государства не относились – не служили, не платили податей, не приносили присягу. Они были собственностью своего хозяина. Очень странный путь вхождения в социальную структуру для людей, которые, будучи ясачными иноземцами, приносили присягу (шерть), платили ясак.

4. Фразу Алексея Юрьевича *«К тому же «чинами» не исчерпывалось все многообразие социальных категорий в России того времени»* мне очень сложно понять/объяснить поскольку: а) этот пассаж имел бы смысл, если бы это я в своей статье настаивал на использовании слова «чин» для обозначения социальных страт Российского государства. Но в реальности именно А.Ю. Конев использовал фразу *«Словосочетание «ясачные иноземцы», на мой взгляд, само по себе вывело автохтонное население за рамки чиновного деления Московской Руси»*, поэтому это примечание выглядит как минимум странно; б) уважаемый оппонент не привёл в своей работе других систем социальных категорий, подобных чинам, существовавших в России того времени.

Ещё один фрагмент из работы уважаемого оппонента: *«заслуживает внимания затронутый Г.Х. Самигуловым вопрос о связи понятия ясака и «службы», ясака и «вотчинных прав» на угодья, находившихся во владении автохтонов. Напомню, что на материалах Западной Сибири XVII в. к этой теме обращался В.И. Шунков. Но рассматривать данный сюжет в контексте критики тезиса о «невключенности» ясачного населения в структуру Русского государства, как уже было отмечено выше, не имеет особого смысла»* [7, с. 763].

Напомню, что моя статья называется «Ясачные люди, иноземцы, ясак и дарообмен», а вопрос «включённости/невключённости» ясачного населения в структуру Российского государства даже не выделен в особый раздел [15, с. 348–350]. «Неуместный» сюжет о ясаке, вотчинах ясачных людей и их месте в социальной структуре Российского государства составляет отдельный раздел статьи с названи-

ем «Что такое ясак и кто такие ясачные люди» [15, с. 350–362]. Вообще, оппонент трижды в своей статье подчеркнул, что моя статья посвящена именно теме «*критики тезиса о «невключенности» ясачного населения в структуру Русского государства*». На самом деле статья посвящена совершенно другому, о чём ниже.

«На мой взгляд, имеет смысл обсуждать не «отсутствие»/«присутствие» ясачных и иных «иноземцев» в структуре России XVI–XVII вв., а исследовать вопросы о специфике и эволюции их положения в системе формирующейся империи, о содержании и значении термина «иноземцы» применительно к нерусскому населению окраин, расширяя хронологию до середины XVIII в. В этом контексте логично продолжить дискуссию и о правомерности применения сословной парадигмы при изучении социально-правового статуса «ясачных людей» в России второй половины XVI–XVII вв.» [7, с. 763–764].

Тот самый раздел «Что такое ясак и кто такие ясачные люди» как раз посвящен предварительным изысканиям места ясачных иноземцев в социальной структуре российского общества, дифференцированности понятий «ясак» и «ясачные люди» в практике XVII–XVIII вв., краткому обзору юридических документов, в которых отображены права и обязанности ясачного населения, некоторым особенностям вотчинного землевладения «иноземцев» в Поволжье сравнительно с ситуацией на Урале и в Западной Сибири; и даже хронологические рамки документов, использованных в ней, охватывают период до середины XVIII в. И основное содержание моей статьи именно констатация наличия вотчинного землевладения ясачных людей от Поволжья до Сибири и жёсткой связи обязанности платить ясак с правом (привилегией) владеть вотчинными землями. Что касается сословной парадигмы, то никто до сих пор не обосновал её неуместность и этого достаточно.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Иноземцы: кто и где

Проанализировав указы казанским воеводам, опубликованные В.Д. Дмитриевым уважаемый оппонент пришел к выводу, что «словом иноземцы в Поволжье XVII в. обозначались «литва», «немцы», и «черкасы», и возможно, татары из числа «служилых». При этом ясачные люди обозначены как особая группа наряду или в противопоставлении «иноземцам», нередко получая этнонимическую конкретизацию» [7, с. 768]. Эти рассуждения А.Ю. Коневым используются для формального обоснования весьма спорного утверждения, что использование понятия «иноземец» в отношении ясачного (в первую очередь) населения характерно именно для Сибири, а присутствие его в документах, касающихся европейской части России ничтожно. При этом в рассматриваемой А.Ю. Коневым моей работе было показано, что в публикации П.И. Игнаткина, на которую опирался уважаемый оппонент в одной из своих статей, половина упоминаемых случаев использования понятия «иноземцы» относится к Приуралью, а не к Сибири [15, с. 346]. Кроме того, в той же статье я привёл выдержку из документа конца XVII в., где слово «иноземцы» использовано именно в отношении поволжского ясачного населения [15, с. 347]. Приведу ещё подборку выдержек из разных документов, касающихся европейской части Московского государства XVII – начала XVIII в.:

1647 г.: Указ царя Алексея Михайловича Романовскому воеводе А.А. Малышкину: «...и ты б романовских татар и иных никаких иноземцов силно в православную христианскую веру крестить не велел» [4, с. 118–119]. Октябрь 1661 г.: «...отпущены из Астарахани на государевом бусе за море на Караганское пристанище Астараханские посадские и верховых городов торговые люди и иноземцы с

товарами... и как Русские торговые люди, и стрельцы, и пушкари, и Юртовские Татаровя учнут в бусу грузитца...» [5, с. 257–258]. Май 1687 7.: «Ехать, из Астарахани, за море на Караганскую пристань Великих Государей на бусе, а на той бусе отпущены Верховых городов и Астараханские торговые Русские люди и иноземцы с товары, для торгу» [1, с. 265]. 1670 г., доездная грамота: ««И буде кто скажет, что та земля в есак и в поместье или служилым татаром или кому на оброк отдана, и у тех людей иматъ особы сдушевныя скаски за руками, а у иноземцев за их знамены» [9, с. 48]. 1688 г., владенная запись Алатырский уезд: «про ту порозжую землю велено сыскать большим повальным обыском, многими людьми, всякими сыски накрепко, русскими по святой непорочной евангельской заповеди Господней, а иноземцы по их вере, по шерти» [10, с. 164]. 1697 г.: «Окольнічему и воеводам князю Петру Лукичу с товарищи, будучи в Казани, проведывать в иноземцах тайно между ними шатости и измены; и буде в измене станут на кого извещать, и Окольнічему и Воеводам по явным подлинным извѣтам, кто на кого известит измену и шатость, посылать дворян добрых и знающих и безкорыстных, кому б можно верить, и велеть тех людей приводить в Казань» [12, с. 297]; ««Которые купчины всякие из-за моря и иноземцы и Астраханские жители иноземцы ж и Астраханцы, которые будут посланы с ними в приставах...» [12, с. 302]; ««На Мензелинских иноземцах с бобровых гонов и с рыбных ловель оброку 8 рублей 31 алтын 4 геньги» [12, с. 308]. Наказ Курмышскому воеводе 1701 г.: «А курмышан дворян, и детей боярских, и всяких русских, и жилецких людей, мурз, и татар, и черемису в управных во всяких делах судить и расправу меж ими чинить по указу Великого Государя и вправду безволокитно. А с судных дел пошлыны, и пересуд и правой десяток иматъ с русских людей и с иноземцев по указу Государя и по Уложенной книге 156 (1648) году» [9, с. 19] и т.д.

Таким образом, выражение «иноземцы» в действительности вполне использовалось для обозначения как служилого, так и ясачного нерусского населения Поволжья и Урала в XVII – начале XVIII в., и ограничивать территорию использования этого понятия только Сибирью нет никаких оснований.

Подданство

Достаточно примечательны рассуждения о подданстве, приведенные в работе А.Ю. Конева. Точнее, это не рассуждения, а компиляция мнений нескольких авторов: «П.С. Шаблей заключает, что в XV–XVII вв. институт подданства в Руси/России был лишен «четкой, сугубо правовой, определенности». Представление о подданстве связывалось с «покорностью царю и признанием легитимности его власти», и само по себе присоединение «ещё не означало установления подданства в правовом смысле». И.Г. Шауро обосновала положение о том, что в России ко второй половине XVI века термин «подданство» приобрел новое содержание и означал уже не крепостную зависимость, как ранее, а принадлежность к населению страны. До конца XVII в. «государство отдавало предпочтение крещению в православие, как способу принятия подданства», хотя существовал и второй путь – «натурализация в форме присяги на верность», при этом нормативного акта, регулировавшего принятие подданства, выработано не было. Т.А. Опарина полагает, что в XVI–XVII вв., «не сделав новых подданных членами русской церкви, правительство не приравнило их к русским гражданам. Иновѣрцы подданными в полном смысле этого слова так и не становились» [7, с. 765].

Что касается позиции Т.А. Опариной, то она была рассмотрена в моей предыдущей статье [15, с. 348–350] и дублировать здесь ту аргументацию не имеет смысла. Можно лишь констатировать, что никаких обоснований тезиса о «неполном подданстве» иноземцев в её работе нет.

Остановлюсь подробнее на исследовании И.Г. Шауро «Возникновение и развитие института подданства в России в XVI – начале XX вв.» [21], как к «профильному» исследованию по рассматриваемой в данной ситуации теме. Я обратился к полному тексту исследования, поскольку автореферат диссертации [22], к которому апеллирует А.Ю. Конев, не содержит подробной аргументации, а лишь общее изложение содержания и выводы, что вполне естественно.

Итак, И.Г. Шауро в своем исследовании пишет «Анализ правового статуса российского подданного позволяет сделать вывод, что подданный – это субъект, который обладает определенными правами (например, правом собственности, правом торговли, правом образования городских и сельских обществ, правом доступа к государственной службе) и обязанностями (например, соблюдать законы, уплачивать предусмотренные налоги и иные платежи). В свою очередь, государство, осуществляя исключительную и безусловную власть над подданным, оказывает ему защиту на Родине и в пределах других государств» [21, с. 24]. Далее она определяет признаки подданства: «юридическая природа (характер правоотношения); устойчивость во времени и пространстве; всеобъемлемость; дифференцированность взаимных прав, обязанностей и ответственности подданного и государства» [21, с. 27].

А относительно подданства иноверцев просто сообщает: «Необходимо отметить, что вплоть до XVIII века крещение в православную веру считалось основным способом вступления в русское подданство» [21, с. 54]. И всё. И.Г. Шауро нигде не приводит пояснения: на основании каких признаков она делает вывод о том, что не крещеные «внутренние иноземцы» не являлись подданными. Нет анализа соответствия или несоответствия положения ясачного или служилого некрещеного населения сформулированным ей признакам подданства.

Правда, в работе есть цитаты из документов, которые показывают, что крещение могло сыграть роль социального лифта – освобождение (временное) от налогов, возможность вхождения в состав Государева двора (для мурз), получение поместных и денежных окладов и т.д. [21, с. 90–92]. Эти документы говорят именно о поощрении принятия православия, что вполне понятно в стране, где православие было государственной религией. По большому счёту, эти доводы в основном повторяют те, что приведены в работе Т.А. Опариной.

Кому-то может показаться, что это и вправду аргументация, но сама же И.Г. Шауро пишет: «Особую часть подданных Российской Империи составляли крестьяне. По существу они являлись самым многочисленным и самым бесправным сословием. Применительно к ним сложно говорить о какой-либо совокупности прав и обязанностей. Их судьба была долгое время в руках помещика, являющегося для крестьянина "государством". Крестьяне не имели практически никаких прав, и тем более привилегий. Имеющиеся же права не всегда могли реализовать. Соответственно в отношении них у государства не было определенных обязанностей» [21, с. 24–25]. С таким описанием довольно сложно согласиться, учитывая, что в XVII в. далеко не все крестьяне были крепостными, но здесь важна трактовка: православные крестьяне, не обладающие практически никакими правами – это подданные, а ясачные, либо служилые неправославные люди, обычно имеющие привилегии в отношении земли, подданными не являются. Никаких объяснений такой трактовке, повторяю ещё раз, в работе не даётся. Мы должны просто принять это на веру.

Перейдём к работе П.С. Шаблея, на которую также ссылается А.Ю. Конев: «В XV–XVII веках отсутствие единообразного стандарта управления составными частями государства, равно как и ситуационно обусловленные различия в прак-

тике государственно-правовой «кооптации» народов лишали институт подданства в Руси / России чёткой, сугубо правовой, определённости... Таким образом, присоединение само по себе ещё не означало установления подданства в правовом смысле. Отношения подданства, особенно для башкир и народов Сибири, формировались на протекторатной основе, но по мере усиления военного, социально-экономического и политического присутствия России в национальных регионах заключённые на этой основе двухсторонние соглашения о защите и покровительстве, сохранении суверенных прав и институтов рушились» [20, с. 116–117]. У меня в связи с этим текстом сразу возникло много вопросов: как вообще можно судить об установлении или не установлении подданства в «правовом смысле», если «институт подданства» лишен «четкой, сугубо правовой определенности»? Что такое «подданство на протекторатной основе»? Протекторат, это отношения между двумя государствами, и следует ли из этих выкладок автора, что существовало государство Башкирия, с которым Московский царь заключал договор? Были какие-то государства в Западной Сибири после поражения Сибирского ханства, с которыми были заключены договоры? Мне такие факты неизвестны. Какие двухсторонние соглашения имеет в виду автор? То есть, здесь также нет никаких реальных обоснований, а весьма спорные рассуждения умозрительного характера.

В целом складывается такое ощущение, что современные представления о подданстве в России XVI–XVII вв. сложились в российской исторической науке в XIX в. под изрядным воздействием идеологемы «Православие, Самодержавие, Народность» и фактически являлись экстраполяцией на ситуацию Московского государства установок, сформировавшихся в Российской империи в течение первой половины XIX вв.

П.С. Шаблей в своей статье цитирует дореволюционную работу В.М. Гессена: «В то же время утверждалась вполне конкретная национально-государственная идентичность: «быть подданным – значит быть православным; стать подданным – значит креститься в православную христианскую веру» [20, с. 116; 3, с. 203]. В.М. Гессен является так же одним из «источников» работы И.Г. Шауро. А Гессен, в свою очередь, ссылается на работу Д.С. Цветаева [17, с. 7]. Причем эта работа Д.С. Цветаева посвящена иноземцу из «немцев» и Немецкой слободе в Москве. В целом он занимался именно иноземцами-европейцами – католиками и протестантами – и именно этой теме посвящены его основные исследования [18; 19], а это совершенно иная группа населения, нежели жители территорий, вошедших в состав Московского государства в процессе его расширения на восток. О каких-то серьёзных исследованиях в отношении истории внутренних иноземцев, проведённых Д.С. Цветаевым, мне не известно. В.М. Гессен в своём историко-юридическом труде использовал выводы Д.С. Цветаева, распространив их на внутренних иноземцев, очевидно, в связи с отсутствием других работ, пригодных для использования.

Для того, чтобы проиллюстрировать, что подобное восприятие сформировано в действительности идеологическими установками второй четверти – середины XIX в. и ещё веком раньше этот вопрос воспринимался совершенно иначе приведу пару выдержек из источников середины XVIII в.: Рапорт Туринской воеводской канцелярии 1764 г.: «по справке находящие в ведомстве Туринской воеводской канцелярии яшашные крещенные татары во владении своем имеют пашенные земли, и сенные покосы и протчия угодыя по старинному их на тех землях заселению, как они ещё до взятая Сибири и их к российскому подданству и до заведения города Туринска население русских жительствовавали и те землями,

сенными покосами и прочими угожьями владели без всяких им дач, но почитая они те земли... все своими природными, как то и доньше они имеют, с которых они платят в казну только один положенный на них ясак...»¹. Или из работы П.И. Рычкова: «Нынешние башкирцы... после Казанского взятия спустя года с три, и тако около 1555 году в российское подданство пришли, и за то не токмо те земли, коими они прежде подданства своего владели... И понеже при вступлении их в подданство ...» [14, с. 25]. Цитаты можно продолжить, но смысла не вижу.

Как видим, в XVIII в. чиновники не сомневались, что ясачные иноземцы являются подданными московского царя, причём являются ими с момента включения территорий в состав Московского государства, в одном случае в 1555 г. (по мнению П.И. Рычкова), в другом момент принятия местными татарами русского подданства приурочен к «взятию Сибири». Разумеется, принятие ими подданства состоялось после принесения ими шерти, о чём ниже.

Таким образом, что бы ни писал А.Ю. Конев, речь у него идёт вовсе не о представлениях о подданстве, существовавших (сложившихся) в России конца XVI–XVII вв., а о его собственных и представлениях процитированных им авторов.

Приведу две цитаты: «Особо оговорим, что это слово (иноземцы – Г.С.) не будет заключаться в кавычки (как это часто делается в исторической литературе), поскольку применительно к обществу Московской Руси в рассматриваемые хронологические рамки оно являлось равно таким же названием-определителем социальной группы, как, например, служилые, посадские и промышленные люди, купцы, дворяне, дети боярские (а эти слова-определители в научной исторической литературе не закавычиваются)» [6, с. 31]; «Историческое значение практики шертования заключалось в следующем: с помощью приведения к присяге народы Сибири переходили из категории «чужих», «иностранцев», «изменников» в категорию «подданных»; соответственно, и территории их проживания становились собственностью-вотчиной царя (по аналогии с европейской частью России). Факт развития присяги сибирских иноземцев в тесной связи с практикой крестоцелования – присягой православного населения – свидетельствует о формировании в XVII в. общегосударственного представления о подданстве» [16, с. 26].

Таким образом, А.С. Зуев, П.С. Игнаткин и В.А. Слугина достаточно чётко сформулировали свою точку зрения: после принесения шерти иноземец являлся подданным, само слово иноземец является определением социальной группы наряду с такими понятиями, как посадские, дворяне и т.д.

«Сам по себе факт регулярной сдачи ясака «окладом» не был исчерпывающим признаком преодоления «иноземческого» состояния. Сибирский приказ в конце XVII в. разъяснил, что «в державе Великого Государя Московского государства ... всяких чинов православные христиане и разные иноземцы с земель и с угодьев подати», в том числе «мяхкую рухлядь», платят «неотложно», ибо во всех странах и «природный человек» и «пришлой иноземец» никакими землями «безобразно и безданно не владеют» [7, с. 771]. Вопрос, мог ли не подданный владеть вотчиной? Беда в том, что Алексей Юрьевич так и не привёл хоть одного убедительного аргумента – почему ясачные иноземцы должны были преодолевать это самое иноземческое состояние. Слово «иноземцы», как хорошо обосновали А.С. Зуев, П.С. Игнаткин и В.А. Слугина, было обозначением социальной страты Российского государства. То есть обозначало подданных. Попытки А.Ю. Конева доказать обратное, оказались совершенно несостоятельны.

Укажу на очевидное – в титуле русского царя три первых позиции (после формулы «всёя Руси») занимали обозначения: «царь Казанский», «царь Астра-

¹ Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. 341. Оп. 1. Д. 154. Л. 12 об.

ханский» и «царь Сибирский» (с 1599 г.) Подобная формулировка означала, что подданные этих прежде самостоятельных государств перешли в подданство московского царя, естественно, после принесения шерти.

Процедура принятия русского подданства бывшими подданными Казанского ханства в общих чертах описана в Никоновской летописи: «Того ж месяца (октября 1552 года – Г.С.) 10 приехал Никита Казаринов да Камай-мурза, а с ними многие Арские люди, и царю государю били челом, чтобы им государь милость показал, а они всю землю государю бьют челом и ясаки дают. И царь государь черных людей и Арских пожаловал, ясаки на них велел имати прямые, как было при Магделиме царе, и приказал боярину своему князю Александру Борисовичу, а велел их к шерти привести и ясаки на них имати и во всем их управлявати...» [13, с. 221–222].

Ясак и вотчина

«В.Д. Дмитриев уточнил выводы С.В. Бахрушина на более широком материале поволжских народов и подчеркнул, что ясак (денежный и хлебный) у них уже со второй половины XVI в. не являлся данью, а был с одной стороны феодальной рентой, так как «взимался с площади обрабатываемой земли, являвшейся собственностью феодального государства», с другой – выступал государственным налогом. По его мнению ясачные из нерусских народов Поволжья, в отличие от таковых же Приуралья и Сибири, в XVII в. фактически являлись государственным крестьянами» [7, с. 770]. Там обозначено, что понятие «ясак» в Поволжье XVII в. теряло свой первоначальный смысл, означая денежные выплаты с пашенных угодий. Но дело в том, что часть ясачного населения всё ещё сохраняла вотчинные угодья, что, несомненно, перекидывает мостик между ясаком народов Поволжья и народов Урала и Сибири. Основанием владения вотчинными угодьями служила уплата натурального (иногда денежного) оброка с бортных ухжей, бобровых гонов и т.д. (читай – ясака, в его изначальном понимании). В земельных спорах ясачных чуваш Казанского уезда и башкир Уфимского уезда возникали вопросы: «с тех вотчин в нашу казну оброк платят они?»². Так что не исчерпывалось в Поволжье дело одним ясаком с пашни. И я об этом писал в прошлой статье. Но это же не вписывается в стереотипы, правда? Историки 1920-х–1950-х гг. очень хорошо отработали тему в рамках существовавшей парадигмы. К сожалению, она не предусматривала серьёзного восприятия увязки ясак–вотчина, прописанной в документах. Вне её увидеть, что оброк народов Поволжья фактически является заменителем ясака в его исходном виде и обратной его стороной является наличие вотчинных земель, было очень сложно, если вообще возможно. Мне трудно объяснить, почему сложилась такая традиция (не принимать во внимание указание документов на вотчинный характер ясачных угодий и жесткую связь ясака с вотчиной). Но она существует до сих пор.

Алексей Юрьевич любопытным образом обошёл приведённые в моей статье выдержки из царских указов и воеводских отписок, где однозначно прописывалось, что ясачные угодья являлись вотчинами [15, с. 355–356], зато на основании одного (!) документа пришёл к выводу, что «мы имеем прямое указание, что эти угодья тюменских татар в конце XVII в. приравнивались к поместным дачам, а не вотчинам» [7, с. 771]. Очевидно, царские указы не являются прямым указанием... Со своей стороны могу сказать, на примере одного довольно обширного спорного дела середины XVIII в. о земле Акиярских юрт, что при его рассмотрении

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1173. Оп. 1. Д. 92. Л. 3.

использовалась масса статей из разных глав Соборного Уложения, (но все они касаются вотчинного либо поместного землевладения), в том числе статей из глав X, XVI и главы XVII, которая посвящена как раз вотчинным землям, и акты-ые материалы XVIII вв.³

В отношении же понятия «вотчина» А.Ю. Конев в своей статье просто ушёл от темы: «Для анализа того, что в источниках именуется «вотчинами» применительно к владениям ясачного населения, следует изучить возникновение соответствующих прав на эти земли и их документальное оформление в процессе инкорпорации народов постордынских политий в систему Российского государства» [7, с. 764] – мне совершенно не понятно, что помешало ему это сделать? Вроде как и документов довольно много, в том числе опубликованных. Но именно эта тема в его статье не рассмотрена, что не просто странно, а совершенно не объяснимо, ибо в моей статье это лейтмотив: ясак + вотчинные земли. И не просто лейтмотив, но жёстко основанный на архивных материалах. Логично, что если человек берётся отвечать, то отвечает на тему в целом. Алексей Юрьевич, обратился к одной части этой дихотомии, проигнорировав вторую. На мой взгляд, это нонсенс.

Просто приведу цитаты из наказных памятей разным сибирским воеводам⁴: из наказной памяти сургутским воеводам 1599 г.: «А велел ясаки иметь рядовые, как кому мочно заплатить, смотря по вотчинам и по промыслом»⁵ и далее по годам такая формулировка сохраняется; из наказной памяти тарскому воеводе: «а велел ясаки иметь рядовые, как кому мочно заплатить, смотря по водчинам и по промыслом»⁶ – это выдержка из памяти 1599 г. Практически в тех же формулировках это указание дано и в более поздних памятях: «смотря по вотчинам и по промыслом»⁷.

Или такая формулировка 1616 г.: «И нам бы их пожаловать, за побитых и за мертвых ясачных татар, и которые в полон поиманы, и тех вотчины ныне пусты, нашего ясаку платити с них не велети, а велети бы с них наш ясак имати з живущих татарских ясачных вотчин»⁸. Из наказной памяти енисейскому воеводе 1631 г.: «а велел государь с них имати ясаки рядовые, как кому мочно платити, смотря по вотчинам и по промыслу» [2, с. 94]. Можно спорить о развитии ситуации, но базовые правовые документы достаточно чётко определяют привязку уплаты ясака к вотчине и промыслам. И в моей предыдущей статье это было прописано и также подтверждено документами.

А.Ю. Конев сделал отличный обзор литературы по эволюции ясака, трактовкам его содержания, но практически все цитированные работы не касаются темы вотчинного землевладения. По сути это попытка обойти вопрос вотчинного землевладения цитированием исследований, авторы которых в подавляющем большинстве, вообще не упоминали использование этого определения в отношении ясачных угодий. То есть, ни в одной из этих работ нет анализа понятия «вотчина» применительно к ясачным землям. Соответственно, их выводы могут быть вполне корректны в условиях, когда речь идёт о некоей «просто» земле, с которой взимается ясак. Но эти земли в весьма значительном количестве документов

³ Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 47. Оп. 1. Д. 2308. Л. 55–67.

⁴ Приношу благодарность А.В. Белякову, который поделился материалом.

⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1. Л. 70 об.

⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 53 об.

⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 74 об., 110, 200 об., 288 об., 493 и т.д.

⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 166 об.

(в том числе в царских наказных памятях сибирским воеводам) чётко обозначены как вотчины. По крайней мере, для Западной и частью, Центральной Сибири. Поэтому подобный обзор будет корректен при условии, что автор его соотнесёт с вотчинным характером ясачного землевладения. Поскольку этого в данном случае нет, то для меня большая загадка – зачем вообще это писалось. Попытка отрицать наличие вотчин у ясачного населения через цитирование работ, авторы которых просто не берут во внимание вотчинный характер землевладения ясачного населения, практически бессмысленна. Хотя, подозреваю, на многих коллег такой разбор произвёл впечатление, хотя бы по принципу «во-первых – это красиво!». Красиво. Но бессмысленно. Повторю – после публикации мной некоторого количества цитат из документов, которые чётко показывают, что ясачные угодья являлись вотчинами, а ясак платился именно с вотчины публикация такого обзора имела бы смысл лишь в том случае, если бы А.Ю. Конев доказал, что никаких вотчин не было. Но тему вотчин он опустил, и начал писать про ясак. Спасибо за историографический обзор, но, увы, вопрос о ясаке в отрыве от вотчины смысла не имеет.

Что касается, того, что «Соборное Уложение», якобы, фиксирует только обязанности, но не права, как пишет Алексей Юрьевич [7, с. 773–774]. Это вообще не так, то есть абсолютно. Наверное, ему стоит просто почитать этот документ. И это касается отнюдь не только ясачных и служилых иноземцев, а самых разных групп населения. Там зафиксированы, в первую очередь, права на землю. И да, права на землю служилых и ясачных иноземцев зафиксированы в XVI главе Уложения, посвященной поместным землям. Поэтому мы вполне можем считать «Соборное Уложение» документом, фиксирующим формирование сословий, или предсословных групп, как бы их не обозначали. Но на дискуссию о сословиях, увы, места точно не остаётся.

Замечательный пассаж: «Есть все основания считать, что ясак в Сибири как минимум до начала XVIII в. – отнюдь не налог с земли, а дань за право проживать на ней. Право это реализовывалось в форме пожалования туземцам по признаку «старинны давней», что совпадало, как отметил В.И. Шунков, с представлениями на этот счет, «сложившимися ... у части сибирского населения, еще до прихода русских». Владение «по старине» этими землями, теперь являвшимися «государевыми», со временем осмысливается и закрепляется как владение по праву отбывания тягла» [7, с. 771]. Я напомним, что сам А.Ю. Конев констатировал, что ясачные угодья считались поместьем – с поместных земель, как и с вотчинных, плата – дань, или налог (тягло), не взималась. Условием их владения являлась служба. Это возвращает нас к той самой теме – рассматривать ясак вне контекста вотчинного/поместного землевладения, это позавчерашний день. По крайней мере, для тех территорий, где существование вотчин документально подтверждено. Да, это ломает сложившиеся стереотипы, но это естественный процесс.

И вывод о том, что «ясак у всех групп туземного населения от Урала до Тихого океана в той или иной мере сохранял до начала XVIII в. черты дани, тогда как в Поволжье он уже к XVII в. представлял собою ренту/налог» [7, с. 777], достаточно странен, как и упрек в том, что «Во-вторых, приведенная им (то есть мной – Г.С.) социально-экономическая характеристика ясачных Поволжья была дана еще советскими исследователями 1920–50-х гг.» [7, с. 776]. Я так и не увидел в приведённых им цитатах и в выводах самого А.Ю. Конева указания на то обстоятельство, которое показывает эволюцию ясака в Поволжье, а именно – на наличие у ясачных людей Поволжья вотчин. У меня в статье это прописано и в выводах тоже [15, с. 358, 363]. Поэтому так броско заявлять, что я практически

повторил выводы исследователей столетней давности, всё же не стоило. Но Алексей Юрьевич этой части текста видимо не увидел, как и основной части моей статьи. Я понимаю, что слово «вотчина» в отношении ясачных угодий вообще вызывает у части исследователей идиосинкразию. Увы, документы свидетельствуют о наличии вотчинных угодий у служилых и ясачных иноземцев от Поволжья и до Сибири. И это ещё одно обстоятельство, чётко указывающее на преэминентность политики государства в отношении Сибири. И поэтому вывод про «черты дани», которые якобы сохранял ясак, мягко выражаясь, ставлю под сомнение. По крайней мере, для «всех групп туземного населения от Урала до Тихого океана». Как и вообще все выводы, касающиеся ясака – причину я уже указал. Вне контекста вотчинного/поместного землевладения рассматривать ясак для многих территорий не корректно, по крайней мере, до тех пор, пока не будет доказано обратное.

Вывод о том, что в Поволжье использование термина «иноземцы» в отношении служилых и ясачных некрещёных людей сошло на нет уже в XVII в., в отличие от Сибири, [7, с. 777] не соответствует действительности и это показано выше.

В том, что касается иноземцев, отрицательной коннотации этого термина и якобы их неполного подданства – я очень надеюсь, что мне (и не только мне) не придётся в очередной раз объяснять очевидное: ясачные иноземцы становились подданными после принесения шерти, а отрицательную коннотацию понятие «иноземцы» обретало только в конкретном контексте, так же, как и другие обозначения социальных страт. Не стоит пытаться выдавать свои и чужие стереотипы за «представления о подданстве, существовавшие в XVII в.» Забавно, что в прошлой статье я довольно подробно показал несостоятельность этой точки зрения с опорой на документы, но вместо ответа на аргументы Алексей Юрьевич просто добавил количество публикаций, тиражировавших этот стереотип о не подданстве иноземцев, но не содержащих никаких его обоснований.

Очень характерно, что рассматривая ситуацию с ясачным населением от Поволжья до Сибири А.Ю. Конев деликатно пропустил Урал, точнее, Уфимский уезд. И я его понимаю – в случае с башкирами отрицать наличие у ясачных людей вотчинных прав на землю не получится никоим образом. При этом основания для вотчинного землевладения были те же самые, что и в Сибири – уплата ясака. В Поволжье ситуация отличалась, но вотчинные угодья у части ясачного населения были и там.

Основной вывод: главное содержание моей статьи было в озвучивании документально засвидетельствованного наличия вотчинного землевладения ясачного населения на больших пространствах Российского государства от Поволжья до Сибири. А.Ю. Конев обошёл стороной самый основной вопрос, и практически никак не прокомментировал эти материалы. Есть очень простой момент – мы имеем весьма солидное количество источников, включая царские указы, царские наказные памяти сибирским воеводам, воеводские отписки и т.д., которые чётко определяют ясачные угодья как вотчины и увязывают уплату ясака с этими вотчинами. Для историка вроде как источник первичен. Поэтому для меня остаётся непонятным смысл написания А.Ю. Коневым статьи, где он старательно обходил слово «вотчина» и вообще не коснулся темы источников, это слово содержащих. Он старательно пытался аргументировать иногда достаточно странные вещи не «замечая» того, что его не устраивало. Мне вообще не очень понятна манера на данные источников отвечать цитированием работ с интерпретациями – источник первичен. И я просто повторяю в конце – на огромных пространствах Российского государства от Поволжья до Сибири существовала система вотчинного земле-

владения ясачного населения, что прописано в документах, имеющих законодательный характер (царские указы и указы воеводам). И подтверждается документами судебного характера (земельные споры). И уплата ясака достаточно жёстко увязана с вотчинным землевладением. И да – ясачные иноземцы являлись подданными московского царя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические собранные и изданные Археографической комиссией. Т. V: 1676–1700. СПб., б.д. 572 с.
2. Барахович П.Н. Наказ царя Михаила Федоровича енисейскому воеводе Ж.В. Кондыреву 31 января 1631 года // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 1: История. С. 91–103.
3. Гессен В.М. Подданство, его установление и прекращение. СПб., 1909. 454 с.
4. Дополнения к Актам историческим вобранным и изданным Археографической комиссией. Т. III. СПб., 1848. 553 с.
5. Дополнения к Актам историческим вобранным и изданным Археографической комиссией. Т. IV: 1655–1664. СПб., 1851. 445 с.
6. Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск, 2017. 443 с.
7. Конев А.Ю. Феномен «иноземчества», ясак и дарообмен: народы Поволжья, Урала и Сибири в России конца XVI – начала XVIII веков // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 760–783. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.760-783
8. Конев А.Ю. Народы Сибири в социально-правовом измерении империи: современные подходы к изучению // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. науч. трудов. Омск: полиграфический центр КАН, 2016. С. 135–144.
9. Материалы исторические и юридические бывшего Приказа Казанского дворца. Т. 2: Собрание актов XVIII-го и начала XVIII в.в. В.П. Мещеринова, П.В. Анненкова, А.В. Толстого, Л.А. Прушакевича и др. / В.Н. Поливанов, В.Э. Красовский. Симбирск: Симбирская губ. Архивная комиссия, 1898. V, 214 с.
10. Материалы исторические и юридические бывшего Приказа Казанского дворца Т. 5: Архив Павла Сергеевича Таушева : собрание актов 17-го, 18-го и первой половины 19-го столетий, касающихся истории селений Мурзичской волости Курмышского уезда / разобран и приготовлен к изд. П. Мартыновым. Симбирск: Симбирская губ. Архивная комиссия, 1912. 338, II с.
11. Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 348 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. III. 1689–1699. СПб., 1830. 694 с.
13. Полное собрание русских летописей. Т. XIII, ч. I: Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновской летописью. СПб: Издание Императорской археографической комиссии, 1904. 308 с.
14. Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2001. 296 с.
15. Самигулов Г.Х. Ясачные люди, иноземцы, ясак и дарообмен – практические размышления о теории // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 342–369. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.342-369.
16. Слугина В.А. Правовое оформление российского подданства сибирских народов в XVI–XVII вв.: шертовальные записи и процедура шертования. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 27 с.
17. Цветаев Д.В. Генерал Николай Бауман и его дело. Из жизни Московской Ново-Иноземской слободы в XVII веке. М., 1884. 59 с.

18. Цветаев Д.В. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. М., 1886. 530 с.
19. Цветаев Д.В. Протестантство и протестанты в России до эпохи Преобразований. Историческое исследование. М.: Университетская типография, 1890. 792 с.
20. Шаблей П.С. Подданство в Азиатской России: исторический смысл и политико-правовая концептуализация // Вестник Евразии. 2008. № 3. С. 99–122.
21. Шауро И.Г. Возникновение и развитие института подданства в России в XVI – начале XX вв. Дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013.
22. Шауро И.Г. Возникновение и развитие института подданства в России в XVI – начале XX вв. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 27 с.

Сведения об авторе: Гаяз Хамитович Самигулов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет) (454080, проспект Ленина, 76, Челябинск, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4695-5633; ResearcherID: T-6331-2017. E-mail: gayas_@mail.ru

Поступила 20.09.2023

Принята к публикации 03.12.2023

Опубликована 29.12.2023

REFERENCES

1. Historical Acts collected and published by Archaeographic Commission. Vol. V, 572 p. Vol. V: 1676–1700. St. Petersburg, s.d. 572 p. (In Russian)
2. Barakhovich P.N. The instruction (“nakaz”) of the tzar Mikhail Fyodorovich to the Eniseisk voivode Zh. V. Kondyrev, January 31, 1631. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. Part. 17. Vol. 1. History/ 91–103 p. (In Russian)
3. Gessen V.M. Citizenship, its establishment and termination. St. Petersburg, 1909. 454 p. (In Russian)
4. Amendments to Acts historical collected and published by the Archaeographic Commission. Vol. III. 553 p. (In Russian)
5. Amendments to Acts historical collected and published by the Archaeographic Commission. Vol. IV, 445 p. (In Russian)
6. Zuyev A.S., Ignatkin P.S., Slugina V.A. Under the canopy of the double-headed eagle: the incorporation of the peoples of Siberia into the Russian state in the late 16th – early 18th centuries. Novosibirsk, 2017. 443 p. (In Russian)
7. Konev A.Yu. The Phenomenon of “Foreigners”, Yasak and Gift Exchange: Peoples of the Volga Region, the Urals and Siberia in Russia in the late sixteenth and early eighteenth centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 4, pp. 760–783. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.760-783 (In Russian)
8. Konev A.YU. Siberian peoples in social-legal dimension of the Empire: modern approaches to the study. *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii: sb. nauch. Trudov Asiatic Russia: people and structures of the empire: coll. scientific works*. Omsk, 2016. pp. 135–144. (In Russian)
9. Historical and legal materials of the former Order of the Kazan Palace. Vol. 2: Collection of acts of the 17th and early 18th centuries by V.P. Meshcherinov, P.V. Annenkov, A.V. Tolstoy, L.A. Prushkevich and others / V.N. Polivanov, V.E. Krasovsky. Simbirsk: Simbirsk province. Archival commission, 1898. V, 214 p. (In Russian)
10. Historical and legal materials of the former Order of the Kazan Palace Vol. 5: Archive of Pavel Sergeevich Taushev: a collection of acts of the 17th, 18th and first half of

the 19th centuries relating to the history of the villages of the Murzitskaya volost in the Kurmysh district / dismantled and prepared for publication. P. Martynov. Simbirsk: Simbirsk province. Archival Commission, 1912. 338, II p. (In Russian)

11. Oparina T.A. Foreigners in Russia in 16th – 17th centuries. Essays of historical biography and genealogy. Moscow: Progress-Tradition, 2007. 348 p. (In Russian)

12. The Complete collection of laws of Russian Empire. Collection No. 1. Up 1649 to December, 12, 1825. Vol. III. 694 p. (In Russian)

13. The Complete collection of Russian chronicles. V. XIII, part I: Chronicle collection, called the patriarchal or Nikon chronicle. St. Petersburg: Edition of the Imperial Archaeographic Commission, 1904. 308 p. (In Russian)

14. Rychkov P.I. History of Orenburg on the establishment of the Orenburg province. Ufa, 2001. 296 p. (In Russian)

15. Samigulov G.Kh. Yasak People, Foreigners, Yasak and Exchange of Gifts – Practical Thinking about a Theory. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 342–369. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.342-369 (In Russian)

16. Slugina V.A. Legal Registration of Russian Citizenship of the Siberian Peoples in the 16th–17th centuries: Shert Records and the Shert procedure: Abstract diss. ... Candidate of Historical Sciences. Novosibirsk, 2017. 27 p. (In Russian)

17. Tsvetayev D.V. General Nikolai Bauman and his case. From the life of the Moscow Novo-Inozemskaya Sloboda in the 17th century. Moscow, 1884. 59 p. (In Russian)

18. Tsvetayev D.V. From the history of foreign confessions in Russia in the 16th and 17th centuries. Moscow, 1886. 530 p. (In Russian)

19. Tsvetayev D.V. Protestantism and protestants in Russia before the Era of the Transformations. Historical research. Moscow, 1890. 792 p. (In Russian)

20. Shabley P.S. Citizenship in Asian Russia: historical meaning and political and legal conceptualization. *Vestnik Yevrazii=Bulletin of Eurasia*. 2008, no. 3, pp. 99–122. (In Russian)

21. Shauro I.G. The emergence and development of the institution of allegiance in Russia in the 16th – early 20th centuries: Diss. ... Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2013. (In Russian)

22. Shauro I.G. The emergence and development of the institution of allegiance in Russia in the 16th – early 20th centuries: Abstract diss. ... Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2013. 27 p. (In Russian)

About the author: Gayaz Kh. Samigulov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Eurasian Studies Research and Education Centre, South Ural State University (National Research University) (76, Lenin Avenue, Chelyabinsk 454080, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4695-5633, ResearcherID: T-6331-2017. E-mail: gayas_@mail.ru

Received September 20, 2023

Accepted for publication December 3, 2023

Published December 29, 2023